

РОМАН Б. С. ЖИТКОВА «ВИКТОР ВАВИЧ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1920-х–1930-х гг.

Роман Б.С. Житкова «Виктор Вавич», написанный в 1926–1931 г., в полном объёме (в 3-х книгах) стал достоянием широкой читательской аудитории только в 1999 г., спустя 60 лет после смерти автора. Однако, чтобы роман, высоко оцениваемый современными литераторами, занял достойное место в истории русской литературы, необходимо ввести его в литературный контекст той эпохи, когда он создавался. В статье рассматриваются отзывы литературных критиков о «Викторе Вавиче», опубликованные в центральных периодических изданиях в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Автор статьи приходит к выводу, что не только цензура, но и литературная критика также сыграла негативную роль в судьбе романа.

Ключевые слова: Житков, литературная критика, Вавич, революция 1905 г., Локс, Лебедев, Герзон.

G. S. Vasiljkova

B. ZHITKOV'S NOVEL "VICTOR VAVICH" IN THE LITERARY CRITICISM OF THE 1920–1930th YEARS

B. Zhitkov's novel "Victor Vavich" became available to the broad audience of readers only in 1999, 60 years after the death of the author. For a long time the novel has dropped out of history of the Russian literature. Therefore «Victor Vavich» is still surrounded by sets of legends and half-words.

However, to take its rightful place in the Russian literature the novel so highly appreciated by modern writers should be put in the context of the time when it was created.

The novel reviews published in periodicals in the late 20s – early 30s of the 20th century are examined in this article. Its author concludes that not only censorship, but also literary criticism has also played a negative role in the destiny of the novel.

Key words: Zhitkov, literary criticism, Vavich, Revolution of 1905, Loks, Lebedev, Gerzon.

11 сентября 2012 года исполнится 130 лет со дня рождения Бориса Степановича Житкова – «русского детского писателя», как сообщают календари юбилейных литературных дат. Во многих справочных изданиях Житков представлен также исключительно как автор книг для детей, хотя, по утверждению М. Л. Гаспарова, «он был гораздо больше этого» (Гаспаров, 2006, с.211). Открытие Бориса Житкова как «взрослого» писателя состоялось сравнительно недавно, в самом конце XX века, благодаря публикации его романа «Виктор Вавич» в московском издательстве «Независимая газета». Андрей Битов так охарактеризовал это событие: «1999 год ознаменовался первоизданием (спустя шестьдесят лет!)¹ романа "Виктор Вавич", неожиданно принадлежащим известному советскому детскому писателю Борису

¹ Роман, над которым Житков работал с 1926-го по 1931 год, действительно, стал доступен широкому кругу читателей в полном объёме (в 3-х книгах) лишь спустя 60 лет после смерти автора. Однако называть издание 1999 года «первоизданием» неправомерно: первые две книги романа увидели свет при жизни автора (в 1929 и 1934 году), и, хотя тираж полного издания, предпринятого уже после смерти Житкова, в 1941 г., был почти полностью уничтожен из-за отрицательной рецензии А. Фадеева (см. : Фадеев, 1971, с. 331), однако несколько экземпляров романа хранились в библиотеке им. Ленина и в Щедринке. Подробнее об этом см.: Чуковская 1990, с. 195; Блюм, 2003, с. 82.

Житкову. Роман этот полноправно заполняет брешь между "Тихим Доном" и "Доктором Живаго"» (Битов, 2000, с. 84). Критик В.Шубинский назвал роман «превосходным», утверждая: «Это, безусловно, одна из тех книг, которые в момент появления на свет становятся незыблемым "литературным фактом". Составлять заново хрестоматию придется. Житков отныне – автор не третьего и даже не второго ряда» (Шубинский, 2001, с.162).

Однако для того, чтобы роман Житкова занял, наконец, подобающее ему место в русской литературе, необходимо провести значительную работу по изучению архивных документов, восстановить историю создания романа, ввести его в литературный контекст 1920-х – 1930-х годов. Необходимо, наконец, догадкам и предположениям о причинах, помешавших «Виктору Вавичу», «лучшей книге о 1905 годе»², увидеть свет в полном виде при жизни автора, противопоставить документы и факты. Несомненный интерес в этом плане представляет рецепция романа Житкова его современниками, частично нашедшая отражение в отзывах литературных критиков о «Викторе Вавиче», опубликованных в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.

Роман Житкова не стал предметом публичного «разбора», как, например, «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка или «Город Эн» Добычина, однако рецензии на него были опубликованы в центральных изданиях – журналах «Новый мир», «Звезда» и «Художественная литература».

Над первой частью «Виктора Вавича» Б. С. Житков работал более полутора лет – с осени 1926 до начала лета 1928. В январе 1929 года она вышла отдельным томом в «Издательстве писателей в Ленинграде». Первый отзыв о книге появился в печати спустя четыре месяца. Он написан Константином Локсом³ и опубликован в майском номере журнала «Новый мир» за 1929 год – в разделе «Книжное обозрение». Отзыв небольшой (занимает одну из двух колонок на странице), к тому же значительную его часть составляют общие рассуждения, суть которых сводится к следующему тезису: о революции написано так много, что трудно придумать что-то новое. «*Действующие лица заранее известны нам, мы, без сомнения, встретим тех или иных уже достаточно разоблаченных персонажей, суждения о которых с полной обоснованностью даны на страницах учебников истории. Писателю остается, тем не менее, счастливая возможность показать этих персонажей, не нарушая их целостности, в каком-нибудь неожиданном рельефе*» (Локс, 1929, с. 250). Однако автор рецензии не одобрил тот «неожиданный рельеф», в котором Б. Житков изобразил одного из «достаточно разоблаченных персонажей» – полицейского Вавича: «...нам кажется, не стоило делать основным героем околдочного надзирателя и называть книгу именем этого героя». Больше никаких претензий к Б. Житкову автор отзыва не предъявляет, о достоинствах книги пишет кратко, ограничиваясь общими фразами: «*В деталях, в характеристиках, в самом бытовом пейзаже автор умеет неожиданно разнообразить привычную ситуацию, счастливо избегает затасканных положений и, в конце концов, достигает цели, т.е. создает нечто свое, индивидуальное не в ущерб исторической верности*». Осторожность своих суждений критик объясняет тем, что в его распоряжении пока только первая часть «Виктора Вавича»: «*Для окончательного суждения обо всей повести придется подождать ее окончания*» (Локс, 1929, с. 250).

Следующая статья о романе Б. С. Житкова появилась в сдвоенном, февральско-мартовском номере журнала «Звезда» за 1933 год, спустя полгода после опубликования в нем глав из второй части «Виктора Вавича». Она была написана не литературным критиком, а писателем, редактором журнала «30 дней» Всеволодом Лебедевым и называлась «О «Викторе Вавиче» Бориса Житкова и по поводу». Примечательно, что статья посвящена анализу романа в целом,

² Этот отзыв Бориса Пастернака о «Викторе Вавиче» приводит в своих мемуарах Л. К. Чуковская (Чуковская, 1997, с. 650).

³ Константин Григорьевич Локс (1889–1956) – российский литературовед, критик, переводчик, мемуарист. В 1929 г. преподавал в МГУ, в «Новом мире» время от времени публиковались его критические отзывы о текущей литературе. Подробнее о К. Г. Локсе см. : Постоутенко, 1992, с. 227–236.

а не только первой части, единственной к тому времени полностью опубликованной⁴. Объясняется это, на наш взгляд, непростыми обстоятельствами, которые помешали роману Житкова увидеть свет в начале 1930-х годов.

Новое десятилетие ознаменовалось усилением партийного контроля над всеми сферами духовной жизни общества, прежде всего это нашло отражение в усилении цензуры и превращении ее из государственной институции в орудие партийной диктатуры. 5 октября 1930 г. было принято Постановление Совнаркома «О реорганизации Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита)». В частности, в нем говорилось: «*Основным звеном в области предварительного контроля за литературой, радиовещанием и т. п. признать институт уполномоченных. Весь предварительный просмотр всего печатного материала производить в самих издательствах*». Штат Главного управления по делам литературы и издательств сократили, поскольку издательства отныне должны были сами обеспечивать «*содержание необходимого штата уполномоченных Главлита*» на местах, кроме того, в них вводилась должность политредактора, лично отвечавшего за идейный уровень всех публикаций⁵. Перестройка в деятельности органов цензуры продолжалась и в 1931–1932, причем она требовала значительных административных усилий: издательства не хотели брать на себя дополнительный груз ответственности (См. об этом подробнее в: Блюм 2003; Жирков, 2001, с. 358 и др.).

Именно на период «цензурной перестройки» пришлось завершение работы над романом «Виктор Вавич»: документы личного архива Б.С. Житкова, хранящегося в РГАЛИ (Москва) говорят о том, что, закончив роман в октябре 1931 года, в ноябре писатель сдал его на цензуру в Лениблгортлит⁶.

Ленинградские цензоры, судя по всему, посчитав, что роман в идеологическом отношении не соответствует возросшим партийным требованиям, но не решаясь взять на себя ответственность за отказ публиковать книгу о революции, обратились «за консультацией» в высшую инстанцию – Главлит. Однако штат Главлита был к этому времени уже значительно сокращен, по-видимому, по этой причине решение вопроса об издании «Виктора Вавича» затянулось почти на два года⁷.

Весьма вероятно, что Вс. Лебедев опубликовал свою статью, желая помочь Житкову в преодолении цензурных барьеров. Его отзыв отличается доброжелательностью и содержит объективный анализ достоинств и недостатков романа. Первая часть статьи вводит «Виктора Вавича» в контекст творчества Б. С. Житкова: роман рассматривается как закономерное продолжение новеллистики писателя, его «детских» рассказов и повестей. При этом критик справедливо отмечает, что «*в этих вещах Житков, являясь детским писателем, был писателем не только для детей. <...> эта простая форма письма, записи – не была вовсе формой учебника,*

⁴ Об истории публикаций «Виктора Вавича» см. подробнее в : Василькова, 2012.

⁵ Согласно «совершенно секретному» циркуляру Главлита (1933 г.), политредакторы издательств обязаны были доставлять «*не реже одного раза в 10-дневку сообщения о материалах, просмотренных предварительным контролем*» (ЦГАЛИ СПб. Ф.281. Оп.1.Д.43. Л.199).

⁶ В письме к жене, Е.Бахаревой, от 7 ноября 1931 г. Житков писал: «*В.Вавич*» у цензора, взял на праздники почитать. Посмотрим, что скажет. Авось прочтет за это время (РГАЛИ. Ф. 2185. Оп.1. Ед.хр. 4. Л. 128).

⁷ В сводке работы Лениблгортлита за апрель 1933 г. сообщалось: «*Закончен просмотр романа Б. Житкова «Виктор Вавич». Роман посылался на консультацию в Главлит и просматривался одновременно т. Семеновым и т. Исаковым. Решено предложить коренным образом переделать III часть романа, носящую в нынешней редакции крайне авантюрный характер и окончательно снижающую и без того уже невысокий политический уровень книги*» (ЦГАЛИ. Ф.281. Оп.1. Д.43. Л.172 об.). Свидетельств того, что Б. С. Житков переделывал 3-ю часть романа в соответствии с указаниями цензуры, нет ни в личном архиве писателя в РГАЛИ, ни в опубликованной переписке, ни в «летописи» его творчества, составленной сестрами. Вполне вероятно, что Житков отказался от издания полной версии романа ценой трансформации авторского замысла.

<...> в вещах Житкова была очень тонкая, скрытая композиция, которая делала вещь как бы простой и нелитературной» (Лебедев, 1933, с. 173).

Отметим, что Вс. Лебедев руководствовался в своей оценке «Виктора Вавича» прежде всего художественными критериями. Отзыв свидетельствует о знакомстве его автора с работами представителей формальной школы, поскольку роман рассматривается не с позиции отражения в нем той или иной идеологии, а с точки зрения формы, используемых Житковым художественных приемов. Кроме того, критик использует терминологию «формалистов» (например, «вещь», «литературный факт» – применительно к произведению литературы) и даже стиль его рецензии напоминает стиль работ Виктора Шкловского. Так, например, говоря о пристрастии Житкова к конкретно-предметным описаниям, Лебедев замечает: *«Автор – плотник, водопроводчик, ювелир. Люди у него очень хорошо едят, очень выразительно сидят – но именно от этой яркости трудно читать»* (Лебедев, 1933, с. 174).

Первую книгу «Виктора Вавича» Вс. Лебедев сравнивает с «семейным альбомом», в котором множество лиц, но нет развития событий. *«Читателю хочется главного шоссэ, мимо которого развевались пространства, а тут – лбом о каждую вещь... Роман подавляет этой конкретностью, этой отделанностью каждой вещи, каждого человека, каждой сцены»* (Лебедев, 1933, с. 174). Критически оценивает Лебедев и увлечение Житкова разговорной лексикой: *«Слова интеллигентского жаргона в данной комбинации дают для нас острый образ, а через десять лет будут казаться словами просто рядом поставленными»*. Впрочем, эти недостатки он оправдывает «ученичеством» Житкова-романиста: *«В первой части автор многому учился. Некоторые страницы напоминают более палитру, чем холст <...> Но во второй части читателю дышится легко. Тут уже не ощущается техника, какой написана вещь: читатель просто видит то, что происходило»* (Лебедев, 1933, с.176). Самым важным наблюдением Лебедева является указание на «музыкальность» житковской прозы, ее ритмическую организацию: *«Образы, фразы, слова на страницах Житкова держатся так незыблемо, как в стихе... Если выбросишь одно слово или прибавишь – все пошло по-иному <...> и вся ценность потеряна»* (Лебедев, 1933, с. 176–177).

Последняя фраза косвенно подтверждает, что Вс. Лебедев знал о проблемах, возникших у Житкова в связи с изданием романа, о рекомендациях цензоров «урезать», «сократить», «переделать» текст, поэтому в своей статье он пытался доказать, что всякого рода «урезания» и поправки нарушат художественную целостность «Виктора Вавича». О том, что отзыв Вс. Лебедева – это своего рода «акция поддержки», свидетельствует также высокая оценка им второй, еще не опубликованной части романа «Виктор Вавич»: она, по мнению критика, *«бесспорна, как очень большой литературный факт»* (Лебедев, 1933, с.174).

Еще две рецензии на роман «Виктор Вавич» принадлежат критику С. Герзону. Первая из них, опубликованная в журнале «Художественная литература» (№ 6 за 1934 год) под рубрикой «Среди книг», является отзывом на второе издание первой книги «Виктора Вавича», выпущенное «Издательством писателей в Ленинграде» в конце 1933 года. Этот отзыв оставляет двойственное впечатление. В нём есть элементы объективного анализа, попытка найти положительное в романе. Автор справедливо констатирует, что *«Внимание автора привлекают не столько широкие социальные движения и массы, сколько жизнь и личные переживания отдельных людей и семей, принадлежащих к различным социальным слоям»* (Герзон, 1934, с. 60). К числу удач Житкова рецензент относит образ заглавного персонажа, полицейского Виктора Вавича: *«Житков сумел дать этот образ нешаблонно, именно так, что читатель верит каждому движению Вавича, быстро воспринявшему «полицейскую мудрость»* (Герзон, 1934, с. 60). Вместе с тем С. Герзон отмечает просчеты автора, например, «избыточную мозаичность» повествования. Он высказывает предположение, что *«отдельные краткие зарисовки должны, видимо, слиться в общую картину. Однако такая мозаичность <...> рассеивает внимание читателя»* (Герзон, 1934, с. 60). Как недостаток, отмечает критик использование автором просторечных и бранных слов, злоупотребление разговорной лексикой. С этим можно, отчасти, согласиться, но язык романа Житкова служит определенному

авторскому замыслу, что совсем не учитывает С. Герзон. Более того, рецензент считает себя вправе вмешиваться в этот замысел: *«Некоторые главы представляются излишними, ничего не прибавляющими к характеристике образов и развитию сюжета»*, – пишет он, предлагая убрать из романа главу «Вальс», как *«совершенно ненужную и написанную в фальшивых тонах»* (Герзон, 1934, с. 61).

Такая категоричность продиктована идеологической установкой: в романе о революции не место всякого рода «лирическим отступлениям». В нем следует, считает критик, в первую очередь, изобразить передовых представителей сознательного пролетариата и руководящую, организующую роль партии. Ни того, ни другого он в романе Житкова не находит, отмечая: *«Революционеры и рабочие плохо удалась автору: они безжизненны и нединамичны»* (Герзон, 1934, с. 61). Заметим, что это мнение весьма субъективно, с ним вряд ли можно согласиться: таких персонажей Житкова, как, например, рабочий-изобретатель Карнаух или слесарь Филипп Васильев, который гордится своим мастерством и мечтает, чтобы оно получило общественное признание, никак нельзя назвать «безжизненными». Другое дело, что они не развиваются в том направлении, которое считалось обязательным в литературе соцреализма – от «бессознательности» к осознанию своей революционной миссии. (Наоборот, слесарь Филипп Васильев, которому проломили голову черносотенцы, деградирует, начинает пить).

И всё-таки в завершении рецензии С. Герзон избегает однозначно негативной оценки романа и пишет: *«Книга Житкова представляет интерес хотя бы по одному тому, что дает правдивое изображение полицейского произвола и беспросветной тупости того режима, о котором многие из современных читателей знают только понаслышке. Тем досаднее, что в книге есть дефекты, которых Житков, человек в литературе не новый и популярный писатель для детей, мог бы избежать»* (Герзон, 1934, с. 61).

В целом эта публикация С. Герзона являет собой пример той критики, о которой Б. С. Житков писал в письме к Е. П. Бахаревой 31 октября 1928 г.: *«Критика вся сплошь казенная и она меня ни огорчить не может, ни обрадовать»* (РГАЛИ. Фонд 2185. Оп.1. Ед. хр. 4. Л. 70 об.).

Еще одна рецензия С. Герзона – уже на вторую книгу «Виктора Вавича» («Издательство писателей в Ленинграде», 1934 г.) – увидела свет ровно год спустя после первой, в № 6 журнала «Художественная литература» за 1935 г. И это очень существенно, так как между первой и второй рецензиями Герзона произошло событие, коренным образом изменившее литературную ситуацию в СССР. В августе – начале сентября 1934 года прошел Первый всесоюзный съезд писателей, который покончил с демократическим разнообразием художественного творчества в «стране победившего социализма», объявив единственно возможным творческим методом литературы и искусства метод социалистического реализма.

Статья Герзона 1935-го года, озаглавленная «Революция в кривом зеркале», представляет собой уже образец последовательной литературной критики соцреалистического типа. Рецензента больше не интересуют художественные достоинства или недостатки романа, во главу угла он ставит идеологический критерий. Автор статьи обвиняет Житкова, во-первых, в том, что *«В самом по себе законном и нужном стремлении обнажить казарменную гнусность царского режима, писатель утрачивает чувство художественной перспективы <...> Вся многообразная жизнь, революционная борьба, внутренний мир тех или иных действующих лиц <...>, нарастание революционного взрыва 1905 г. и т.п. рассматриваются почти исключительно из окон участка, глазами ограниченных и озлобленных полицейских служаков»* (Герзон, 1935, с. 26). Второе обвинение, предъявляемое критиком Житкову, состоит в том, что революция в романе представлена как хаотичный, неуправляемый процесс: *«...кто, как, какими средствами руководил массами, не видно; водителей и организаторов движения – революционных рабочих – нет в книге <...> Неверно и бегло отображена и революционная активность студентов...»* (Герзон, 1935, с. 27). В-третьих, суровое нареkanie критика вызвало то, что неоправданно много внимания, по его мнению, в романе уделено еврейской теме, в том числе описанию кровавых еврейских погромов, спровоцированных полицией. В частности, С. Герзон пишет: *«Со щедростью, не оправдываемой художественным тактом, рассы-*

пает Б. Житков дикие, не всегда цензурные выкрики полицейских по поводу евреев. <...> Это производит тем более странное <...> впечатление, что и вне стен участка, вне разговоров полицейских, евреи (порой по терминологии автора «еврейчики») изображены не без элементов презрительной жалостливости, наделяющей людей наряду с неизбежным (к тому же плохо переданным) акцентом традиционными суевностью и робостью» (Герзон, 1935, с. 26). Несправедливость этого обвинения очевидна: критик отождествляет отношение к евреям персонажей, изображенных в романе заведомо отрицательно, и позицию самого Житкова, в корне отличную; «презрительная жалостливость» к евреям, приписываемая автору, – тоже результат субъективного восприятия критика («еврейчиком») мысленно называет флейтиста Израильсона влюбленная в него Таинька Вавич).

Причина столь предвзятого отношения С. Герзона к изображению еврейской темы в «Викторе Вавиче» кроется, вероятно, в том, что в СССР с середины 30-х годов «любые упоминания в печати о еврейских погромах, хотя бы и относящихся к «проклятому прошлому», неизменно подвергались изъятию и запрету» (Блюм, 2003, с. 83).

По мнению С. Герзона, «книга получилась кривым зеркалом революции 1905 года, односторонним и негативным изображением ее в плане объективно изображенного полицейского понимания». В конце рецензии делается безапелляционный вывод: «Книга не дает представления о подлинном характере описываемых ею событий, а те ее места, где «героически» хоронят полицейского или упражняются в виртуозной антиеврейской пропаганде, имеют весьма двусмысленное значение» (Герзон, 1935, с. 26–27).

Нельзя не заметить, что вторая статья Герзона отличается крайне идеологизированным подходом к роману Житкова и имеет мало общего с литературной критикой, а ее финал напоминает политический донос в духе того времени. К сожалению, именно такого рода критические отзывы определяли на протяжении более полувека судьбу русской советской литературы.

Вероятно, рецензия Герзона окончательно перечеркнула надежды Б.С.Житкова увидеть полное издание «Виктора Вавича», тем более, что в стране нарастала не только волна политических репрессий, но и множилось акции, направленные против деятелей культуры. В письме к М. М. Шкапской от 16 марта 1936 г. Житков писал, что не будет отдавать в печать свою повесть «Без совести» – «из страха повторенья <...> того, что было с Лебедевым» (РГА-ЛИ. Ф. 2182. Оп.1. Ед.хр. 313. Л. 9), имея в виду разгромную статью «Художники-пачкуны» в газете «Правда» от 1 марта 1936 г., посвященную В. В. Лебедеву и другим иллюстраторам детских книг.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что полное издание романа «Виктор Вавич» при жизни автора не было осуществлено не только из-за претензий цензуры, ужесточившейся в начале 1930-х годов, но в особенности – после XVII партийного съезда и I Всесоюзного съезда писателей. Литературная критика также сыграла определенную роль в судьбе романа: если благожелательный отзыв Вс. Лебедева потенциально мог способствовать публикации романа Житкова в полном объеме (в 3-х книгах), то отрицательная рецензия С. Герзона на вторую книгу «Виктора Вавича» фактически способствовала тому, что автор так и не увидел полного издания своего романа.

В целом же судьбу «Виктора Вавича», как и судьбы романов А. Платонова, М. Булгакова, Л. Добычина и многих других произведений литературы и искусства, определил весь трагический контекст советской действительности 1930-х годов.

Литература

1. Блюм А., 2003. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917 – 1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: СПбГУКИ.
2. Битов А., 2000. Перепуганный талант, или Сказание о победе формы над содержанием // Звезда. № 10. С. 84–86.
3. Василькова Г., 2012. «Такая книга просто не полезна в наши дни» (о романе Б. С. Житкова «Виктор Вавич») // Эпические жанры в литературном процессе XVIII – XXI веков: забытое и второстепенное. VII Майминские чтения. 5-9 октября 2011 г. Т.1. С. 227–238.
4. Гаспаров М. Л., 2006. «Читать меня подряд никому не интересно...»: Письма М. Л. Гаспарова к Марии-Луизе Ботт, 1981- 2004 гг. (подготовка текста и публикация М.–Л. Ботт) // Новое литературное обозрение, № 77.
5. Герзон С., 1934. Среди книг. Житков Б. Виктор Вавич. Кн. 1. // Художественная литература. № 6. С. 60–61.
6. Герзон С., 1935. Революция в кривом зеркале // Художественная литература. № 6. С. 26–27.
7. Жирков Г. В., 2001. Партийный контроль над цензурой и её аппаратом // История цензуры в России XIX—XX вв. Учебное пособие. М.: Аспект пресс.
8. Лебедев Вс., 1933. О «Викторе Вавиче» Бориса Житкова и по поводу // Звезда. № 2–3. С. 172–177.
9. Локс К., 1929. Борис Житков. – «Виктор Вавич». Книга первая. Изд. «Прибой». 1929. [Рецензия] // Новый мир. № 5.
10. Постоутенко К., 1992. Судьба Константина Локса // Вопросы литературы, № 2. С. 227–236.
11. Фадеев А., 1971. Б. Житков. Виктор Вавич //Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература.
12. Шубинский В., 2001. Последний русский роман // Октябрь. № 2.
13. Чуковская Л. К., 1990. Процесс исключения. М.: Горизонт.
14. Чуковская Л. К., 1997. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М.: Согласие.

Источники

- РГАЛИ. Личный архив Б.С. Житкова. Фонд 2185. Оп.1. Ед.хр. 4. Письма Б. С. Житкова к жене Е. П. Бахаревой и приемному сыну В. С. Бахареву (1924–1937).
- РГАЛИ. Личный архив М. М. Шкапской. Ф. 2182. Оп.1. Ед.хр. 313. Письма Б.С. Житкова к М. М. Шкапской.
- ЦГАЛИ. Фонд 281. Ленинградский областной и городской отдел по делам литературы и издательств «Леноблгорлит». Оп. 1. Д. 43. Лл. 172–172 об.